

адресант ожидает скорее психоэмоциональной реакции адресанта, чем какого-либо его действия. Интересно, что и во французской дефиниции проявляется психоэмоциональная составляющая менасива, но не адресанта, а самого адресата («... on mark à qqn sa colère» – ‘показывает кому-либо свой гнев’).

Таким образом, можно утверждать, что из проанализированных языковых трактовок угрозы только в английском языке прагматическая составляющая, директив, выводится на поверхность языкового сознания носителей языков. Она предполагает некоторый паритет участников коммуникативной ситуации угрозы. Адресат может предпринять какие-то действия, чтобы избежать негативного воздействия со стороны адресата. В русском языке угроза предстает как выражение агрессии и / или негативных эмоций говорящего и фокусируется на семантической составляющей менасива. А в туркменском языке угроза выступает как ненормативное инициативное речевое действие, она направлена на формирование определенного психоэмоционального состояния адресата, а не на его поступки или поведение.

И. В. Дмитриева, Е. Н. Базылева

ОСОБЕННОСТИ ЮВЕНАЛЬНОГО КОНФЛИКТИВА

В большинстве толковых словарей под конфликтом (от лат. *conflictus* ‘столкновение’) понимают ситуацию, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов. В результате такого столкновения одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (будь то физически, или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника.

В лингвистике речевое поведение, языковая реализация участников конфликтной ситуации получила название речевого акта конфликта. Хотя конфликтив выделяется как самостоятельный речевой акт далеко не во всех номенклатурах речевых актов, существует уже много конкретно-языковых и общегуманитарных исследований конфликтивов, при этом еще не все аспекты этого явления получили свое описание. В качестве источника материала исследований чаще всего избирается сфера институционального, в основном политического, дискурса, публичной речи или сфера межличностного общения. Но в обоих случаях участниками анализируемых речевых действий и описываемых конфликтных ситуаций становятся взрослые люди. Как следствие представляется интересным рассмотреть возрастной аспект конфликтива и, в частности, сопоставить языковые особенности ювенального и возрастного конфликтива.

В описываемом исследовании предпринимается попытка контрастивно-сопоставительного анализа языковых средств выражения ювенального и возрастного конфликтива. Материалом для анализа послужили два произведе-

ния: «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Трамвай желаний» Уильямса Теннесси, первое из которых предоставляет материал для выборки конфликтных высказываний подростков, а второе – взрослых. Проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы о преобладающих средствах вербализации конфликта в подростковой среде.

Прежде всего, обращает на себя внимание незначительная лексическая вариативность высказываний в формате конфликта. Как для конфликтов в подростковой среде, так и для взрослых людей весьма характерно активное использование ликоущемляющих речевых актов, которые не имеют прагматической цели победить, доказать, убедить, взять власть, а подразумевают личностное унижение оппонента. При этом можно отметить, что в ювенальном конфликте такие высказывания оказываются преобладающими и гораздо более частотными, чем в номенклатуре конфликтных высказываний взрослых, как минимум, по результатам нашей выборки. Типичные конфликтные высказывания носят, в основном, ликоущемляющий характер. Они содержат лексические единицы и устойчивые выражения, такие как «So you shut up», «Who cares what you believe – Fatty!», «You shut up, you fat slug!», «And you shut up! Who are you, anyway?».

Наиболее частотными в ювенальном конфликте являются краткие проклятия, не отличающиеся разнообразием: «Sod you!». Также часто вербализуется апелляция к личностным, чаще всего физическим, и, реже, социальным характеристикам собеседника. Например, в начале произведения «Повелитель мух», когда мальчики только знакомились, состоялся диалог между двумя ребятами:

He whispered. «They used to call me Piggy». Ralph shrieked with laughter.

«Piggy! Piggy!»

«Ralph? please!». Piggy clasped his hands in apprehension.

«I said I didn't want». «Piggy! Piggy! Piggy!». The expression of pain and concentration returned to Piggy's face.

В данном контексте ласковое прозвище «поросенок» преобразуется в уничижительное имя, в котором имплицитно содержится негативная оценка представителя противоположной стороны. Ликоущемляющий способ именования оппонента в конфликтной ситуации является безусловной доминантой ювенального конфликта. Прозвища *Fatty*, *Piggy*, *fat slug* служат подавлению чувства собственного достоинства и, как следствие, социальной значимости представителя противоположной стороны.

Ликоущемляющие высказывания взрослых в конфликтной ситуации представлены большей лексической вариативностью и, в частности, вариативностью номинации адресата: «You hens cut out that conversation in there!», «Drunk-drunk-animal thing, you!», «In bed with your-Polack!». В них присутствует апелляция как к личностным, так и к социальным и национальным характеристикам оппонента.

Синтаксические структуры вербализации ювенального конфликта также не отличаются разнообразием. Наиболее частотными являются синтаксически неполные конструкции или нераспространенные предложения,

имеющие минимальный набор обязательных членов предложения. В этом плане они существенно отличаются от возрастного конфликтива, представленного в нашей выборке более развернутыми синтаксическими структурами. Вербализация конфликтивных высказываний взрослых осуществляется, как правило, предложениями, имеющими осложненную синтаксическую организацию с причастными или инфинитивными словосочетаниями или оборотами, и сложными предложениями с различными видами придаточных предложений: «And now you sit there telling me with your eyes that I let the place go! How in hell do you think all that sickness and dying was paid for?», «Yes, accuse me! Sit there and stare at me, thinking I let the place go!». Интерес представляют и сложносочиненные предложения, которые служат для противопоставления двух конфликтующих сторон: «Well, you can hear me and I said to hush up!».

Коммуникативные типы предложений-высказываний, актуализируемые в конфликтных ситуациях подростками, ожидаемо являются восклицательными, реже – вопросительными и наименее частотными оказались повествовательные предложения. Высказывания взрослых участников конфликтной ситуации, в нашей выборке, также могут быть оформлены как вопросительные и восклицательные предложения, но их прагматическая вариативность, например, разнообразие типов вопросительных предложений, гораздо богаче, высока частотность риторических вопросов.

Описанные выше характеристики ювенального конфликтива в сопоставлении с конфликтивными высказываниями взрослых, кроме всего прочего связаны с уровнем сформированности коммуникативных навыков участников конфликтивных коммуникативных ситуаций. Более высокий образовательный, интеллектуальный, социальный уровень, статус и опыт, ожидаемо, находят свое проявление в речевой деятельности адресанта и адресата конфликтива.

Е. В. Зуевская

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ

В немецком языке существует целый ряд средств выражения модальности побуждения, среди которых императив, презенс и футур I актив, безличный пассив, презенс конъюнктив, конъюнктив II, инфинитив I, причастие II, модальный глагол + инфинитив I, конструкции *sein + zu + инфинитив* и *haben + zu + инфинитив*, псевдопридаточные предложения с союзом *dass*, односоставные предложения, императивные междометия и перформативные глаголы. Данные средства способны выражать различные оттенки побуждения: категорический приказ, запрет, призыв, распоряжение, нейтральное приказание, совет, просьбу, мольбу.